

Глава 1

Северный ветер, ворвавшийся в предзимье, принес с собой небывалую метель, каких в этих краях не видели уже десять лет. Снегопад яростно обрушился на деревню Маоси, приютившуюся у самого подножия гор.

Ранним утром над домами потянулись струйки дыма из глиняных печных труб. Смешиваясь в единое марево, этот дух жилья плыл над занесенными снегом тропами, но стоило ему достичь подножия, как порывы ветра развеивали его без следа.

Зимой в горы заходили редко. Резкий, панический хруст снега под чьими-то ногами всполошил лесную тишину, и над бескрайними заснеженными склонами разнесся пронзительный крик воронов.

Сквозь колючий ветер и сугробы, спотыкаясь и захлебываясь плачем, бежал маленький мальчик, крепко прижимая к груди глиняный горшочек.

Его звали Горшочек. Ребенок не знал, почему ему дали такое имя и как он здесь оказался — он лишь чувствовал, что этот маленький сосуд в его руках невероятно важен.

***

Вэй Чэн, сдерживая рвущийся из груди кашель, сидел в засаде возле кроличьей норы уже почти полчаса. Он соорудил ловушку из ивовых прутьев, надеясь поймать за ногу хоть одного серого зверька, но внезапный шум шагов заставил настороженного кролика мгновенно юркнуть обратно в убежище.

Сил терпеть больше не осталось. Мальчик упал на колени, содрогаясь в приступе кашля, и на девственно белом снегу расцвели алые капли.

Обернувшись на звук, он замер: неподалеку стоял маленький, припорошенный снегом ребенок и испуганно смотрел на него.

Вэй Чэн тоже на мгновение опешил.

Вытерев кровь с губ, он почувствовал глухое раздражение — если бы не этот малец, он, скорее всего, уже раздобыл бы добычу и обменял её на лекарства.

Он болел давно. Денег на лекаря у него не было, как и тех, кто мог бы о нём заботиться, поэтому он и решил попытать удачу: поймать кролика и выменять его у Травника Ци на пару порций сбора от простуды.

— Ты чей будешь? — спросил он, сиюсь унять кашель и медленно направляясь к ребенку. — Как ты здесь оказался?

Подойдя ближе, Вэй Чэн почувствовал, как гнев сменяется жалостью. Мальчик выглядел крошечным, лет четырех-пяти, не больше. Круглое личико раскраснелось от мороза, по щекам размазались слезы, а большие глаза смотрели с затаенной мольбой. Он был бос, его ножки распухли и покраснели от холода. Вместо одежды на нем висела какая-то рваная мешковина, едва прикрывавшая плечи и голени, которые уже отливали синевой. При этом малыш мертвой хваткой вцепился в грязный глиняный горшочек.

— Я спрашиваю, чей ты? — повторил он. — Как ты в горы-то попал? Где твои отец с матерью?

Горшочек понимал эти простые слова и, наверное, умел говорить, но сейчас просто не находил сил. Он лишь опустил взгляд и покачал головой.

— Совсем никого нет?

Вэй Чэн снова закашлялся.

— Ты тоже сирота?

В глазах ребенка отразилось полное непонимание.

— Раз нет ни папки, ни мамки, и никому ты не нужен — значит, сирота. Как и я, — пояснил он.

Горшочек долго обдумывал услышанное, а затем неуверенно кивнул.

— Сколько тебе лет? — продолжал расспрашивать его Вэй Чэн. — Говорить-то умеешь или не можешь?

Мальчик снова покачал головой.

— Родня-то есть? Хоть кто-нибудь из клана?

Снова отказ.

— Из какой ты деревни? Наш, из Маоси?

На все вопросы ребенок лишь обреченно качал головой.

Внезапно за спиной раздался тонкий писк, похожий на скулеж щенка. Вэй Чэн резко обернулся — в ловушку попался кролик!

Забыв о расспросах, он бросился к норе, на ходу подбирая драгоценные зерна кукурузы, служившие приманкой. В несколько движений он связал лапы серому зверьку. Тот оказался увесистым — значит, лекарству быть.

В такую метель в горы никто не совался, а здесь, у самого подножия горы Мао, часто промышляли деревенские мужики, так что норы обычно пустовали. Вэй Чэн караулил это место несколько дней. Говорят, у хитрого кролика всегда три входа — неужели один сбежал, а другой все равно попался? Вот уж удача так удача!

Он спрятал добычу в плетеную корзину, прикрыв её хворостом и сухой травой для маскировки, а затем снова посмотрел на дрожащего от холода ребенка.

Если оставить его здесь...

До вечера он точно не доживет.

— Пошли, — буркнул Вэй Чэн, не в силах побороть совесть. — Отведу тебя к старосте. Еще немного здесь побудешь — и замерзнешь насмерть.

Слово «смерть» заставило Горшочка вздрогнуть. Послушно прижимая горшочек к себе, он сделал шаг навстречу. Мальчик заметил, что ножки ребенка покрылись кровавыми трещинами, но тот будто не чувствовал боли — он лишь преданно и испуганно смотрел на своего спасителя.

Вэй Чэн взглянул на свои собственные матерчатые туфли. Старые, дырявые, с вылезшей ватой — их сшила мать еще два года назад, до того как ушла в другую семью. Теперь они стали ему безнадежно малы, и пятки торчали наружу.

Сняв корзину, он присел:

— Забирайся на спину, спусти тебя вниз. А горшок свой в корзину положи.

Горшочек, едва сдерживая слезы, отчаянно затряс головой и застыл как вкопанный.

Вэй Чэн присмотрелся к посудине. Обычный старый жбан, каких полно в любой мусорной куче за деревней.

«Видимо, это вещь его покойных родителей, раз он так дорожит ею?» — подумал он.

Подавив очередной приступ кашля и сглотнув солоноватую кровь, он вздохнул:

— Ладно, держи при себе. Снег скоро повалит сильнее, надо спешить.

Горшочек осторожно вскарабкался на спину мальчику. Она была костлявой, но удивительно теплой и надежной. Хлюпнув покрасневшим носом, малыш крепко обхватил его за шею.

Вэй Чэну было тяжело. В свои восемь лет он из-за постоянного недоедания был худ, хотя и выделялся высоким ростом — был даже выше своего одиннадцатилетнего двоюродного брата. Односельчане часто говорили, что он весь в отца — покойного охотника Вэй Даньена.

Дом Травника Ци стоял на самом краю деревни. Боясь, что кто-то увидит его с добычей, мальчик решил сначала заглянуть к лекарю, а не к старосте.

Дверь открыл муж травника, Мо-фулан.

— А, это ты, паренёк Чэн, — начал он, но тут же вскрикнул: — Ох, пресветлые силы! Это еще что за дитя?

— В горах нашел, — коротко ответил Вэй Чэн, заходя внутри.

Сам Травник Ци, пряча руки в широкие рукава, вышел в сени:

— Нашел? В такую-то стужу... Кто же это дите на погибель бросил?

Взгляд лекаря упал на посиневшую кожу и окровавленные ступни мальчика. Он нахмурился:

— Беда, совсем плох... Неси его скорее сюда, надо мазью от обморожения смазать.

Горшочек в испуге спрятался за Вэй Чэна, вцепившись в край его поношенной куртки.

— Не бойся, всё хорошо будет, — тот подхватил малыша и усадил на теплую лежанку-кан. — Дядюшка лекарь — человек добрый.

Травник Ци принес таз с горячей водой, разбавил её свежим снегом и мягкой тканью осторожно обтер ножки ребенка. Затем он открыл фарфоровую баночку и кончиками пальцев набрал густую мазь, осторожно втирая её в трещины на коже. Горшочек зажмурился, уткнувшись лицом в грудь Вэй Чэна, но не издал ни звука, лишь мелко дрожал от боли.

Муж лекаря помолчал немного, а затем спросил:

— Паренёк Чэн, ты зачем его к нам притащил? Что дальше делать думаешь?

Мальчик рассказал, как обнаружил ребенка, и добавил:

— Дядюшка, я за лекарствами пришел. А как получу — отнесу его к старосте.

Мо-фулан сокрушенно вздохнул:

— Не выйдет. Староста со всем семейством уехал к родне, еще не вернулись они в деревню.

Вэй Чэн замер. Кашляя, он вытащил из корзины жирного серого кролика:

— Дядюшки, я хочу выменять его на лекарства для себя... И еще, — он посмотрел на ребенка за своей спиной, — может, найдется у вас какая одежда старая, из которой ваш гээр вырос? Хоть обувка какая, пусть самая простая. Зима ведь на дворе, замерзнет малец в этих тряпках.

Он знал, что у Травника Ци есть гээр примерно того же возраста. Лекарь годами врачевал людей, семья их считалась зажиточной, и наверняка у их единственного ребенка было больше одной смены одежды.

Травник Ци взял кролика, прикинул вес и переглянулся с мужем. Тот лишь тяжело вздохнул:

— Ох, Чэн-сяоцзы... Ну ладно, подожди здесь.

Лекарь принялся прощупывать пульс Вэй Чэна и недовольно нахмурился:

— Налет на языке белый, пульс слабый, в груди застой. Продуло тебя знатно. Плохо, что кровью кашляешь — это от долгого надсада горло изъязвилось. Придется добавить тебе «Кровавый уголёк», чтобы унять жар и выровнять дыхание. Средство дорогое, но без него не выкарабкаешься, совсем зачахнешь...

Он осекся, не желая пугать сироту горькой правдой.

Обычно за кролика давали медяков пятьдесят, а за хорошего — и все семьдесят. Но зимой, когда дичи мало, а мех в самом соку, за такого красавца в городе можно было выручить больше сотни монет. Однако лечебные снадобья всегда ценились высоко. Вэй Чэн слушал, как Травник Ци вслух отмеряет компоненты и считает плату, и понимал: кролик почти целиком уйдет на оплату этих порций.

Вскоре вернулся Мо-фулан. В руках он держал латаную курточку и пару поношенных туфель с тигриными головами.

— Эти туфли наш гээр носил пару лет, они еще крепкие, хоть вату внутри уже разок и меняли. Раз такое дело, отдадим подешевке.

Хоть обувь и была старой, но сшита она была на совесть, из хорошей ткани — куда лучше тех обносков, что были на ногах самого Вэй Чэна.

— А куртка эта осенняя, — добавил муж лекаря. — От лютых морозов не спасет, но всё лучше его дырявого рубища.

Вэй Чэн принял одежду:

— Благодарю вас, дядюшка.

Он присел перед ребенком, набросил на него куртку и помог обуться. Малыш послушно поднимал ножки, не капризничая. Оказавшись в тепле, Горшочек с любопытством уставился на свои новые туфли с вышитыми тиграми.

— Теплее стало? — спросил Вэй Чэн.

Горшочек поднял на него взгляд и широко улыбнулся. Его личико было обветренным и грубым, но в этот миг он выглядел на удивление трогательно.

Провожая взглядом Вэй Чэна, который с корзиной за плечами и ребенком за руку выходил на мороз, Травник Ци вздохнул:

— Говорят в деревне, что у этого Вэй Чэна волчье сердце и собачьи легкие, мол, только и знает, что в поле горбатиться. А посмотри-ка на него — вылитый отец. Сердце у него такое же доброе, как у Вэй Даньена.

— Доброе-то доброе, — отозвался Мо-фулан, — да только в наше время от доброты одни убытки. Дай бог, чтобы этот малец не пригрел на груди неблагодарного волка, как его отец когда-то!

<http://bllate.org/book/15346/1372661>